

ЮГОСЛАВСКИЙ РАЗЛОМ

Б. Я. Табачников

Воронежский институт повышения квалификации работников образования

Поступила в редакцию 14 сентября 2009 г.

Аннотация: *статья представляет собой исследовательский отклик на книгу польской ученой Эвы Буйвид-Курэк «Постюгославские государства: политологические очерки». Вместе с тем, автор подробно анализирует механизм и причины распада югославского федеративного государства, имевшего место в конце XX в.*

Ключевые слова: *федерация, государство, коллапс, Балканы, национализм, политический разлом.*

Abstract: *the article provides a thorough review of the book by the Polish researcher Ewy Bujwid-Kurek Panstwa Pojugostlowianskie Szkice politologiczne. At the same time the author analyzes issues connected to the breakup of former Yugoslavia and tries to determine the meaning and the mechanisms of this event.*

Key words: *federation, state, collapse, Balkans, nationalism, political cleavage.*

Проблематика предлагаемой читателю статьи-рецензии приобрела в первом десятилетии XXI в. жгучую актуальность. Вопрос о самоопределении наций, который с конца XIX в. оказался в центре внимания едва ли не всех гуманитарных наук, а особенно политиков и социологов, продолжает будоражить умы и сердца миллионов людей, ожесточенно, а порой и кроваво, утверждающих свою правоту*.

События, имевшие место в конце прошлого века в Югославии, — ярчайшее тому подтверждение. В сущностных и наиболее глубоких причинах исчезновения Югославии с политической карты мира, в обстоятельствах ее стремительного и необратимого распада пытаются сегодня разобраться политики и ученые.

Заслуга профессора Ягеллонского университета (Краков) Эвы Буйвид-Курэк состоит в том, что она предлагает читателю, владеющему польским языком, панорамную картину событий, имевших место на югославском и постюгославском пространстве, в государственных образованиях, еще недавно составлявших Социалистическую Федеративную Республику Югославию [1].

Отправной хронологической точкой исследовательница считает 25 июня 1991 г. Именно с этого дня формально начался демонтаж целостной федеративной структуры. Выявление комплекса

причин, приведших сначала к кровопролитному конфликту на югославских землях, а затем к полной декомпозиции и падению этого государства, составляет содержание развернутой вступительной главы рецензируемой монографии. Автор скрупулезно ищет ответ на непростой вопрос: почему дважды в XX в. натужно-тяжело рождалось государство, которому суждено было каждый раз, не просуществовав и полувека, кроваво-мучительно уйти в небытие. Феномен этот в последние полтора-два десятилетия изучают историки, политологи, экономисты по обе стороны Атлантики [2—6].

Политологические очерки (как характеризует свою работу автор) возвращают нас в 1918 г., ко времени возникновения трехименного Королевства сербов, хорватов, словенцев. По мнению исследовательницы, новое государственное образование с самого начала несло на себе печать некоторой ущербности, поскольку объединяло слишком разнородные структуры. В едином союзе оказались различные этносы. При этом не могло быть и речи о консолидации сербской и хорватской буржуазии, поскольку в течение XIX — начала XX в. произошло окончательное разделение части югославской общности, говорящей на сербохорватском языке, по конфессиональному признаку с последующей национальной идентификацией. Линию сильнейшего разлома в этом поле образовали противоречия между сербами, с одной стороны, и остальными этноконфессиональными общностями — с другой. Конфигурация конфликта с самого начала развивалась по сценарию «сербы против всех». Однако

* Буйвид-Курек Э. Постюгославские государства: политологические очерки. Краков: Издательство Ягеллонского университета, 2008. 264 с.

© Табачников Б. Я., 2009

именно сербы — носители последовательного югославизма пытались удержать в межвоенный период единство первого югославского государства, а затем сохранить (уже в послевоенный период) вторую Федеративную Югославию. При распаде СФРЮ осуществлялись попытки оформить сербские политические образования на территории как Хорватии, так и Боснии и Герцеговины. И коллизия эта сама по себе не случайна, поскольку современная история стала, по сути дела, историей потерь, отторжения от сербства и противопоставления ему родственных ему этнических образований.

Э. Буйвид-Курэк стремится разобраться в причинах этого невероятно сложного, многофакторного явления. Исследовательница внимательно рассматривает планы Гитлера в отношении югославских территорий, выявляет глубинную суть трагедии югославских народов, хотя здесь, как нам кажется, было бы уместно показать нарастание экономических и национальных противоречий внутри самого югославского государства в межвоенный период.

Интересные факты, связанные с возникновением после Второй мировой войны нового югославского государства, тонкий анализ участия в этом процессе маршала Иосипа Броз Тито, его взгляды на строительство социализма и международные отношения в послевоенном мире, думается, будут встречены читателем с большим интересом. Здесь много любопытных, доселе неизвестных, прочно забытых или вообще не доступных широкому читательскому сообществу фактов. Э. Буйвид-Курэк подробно рассказывает о том, как Тито балансировал между Востоком и Западом, используя выгоды геополитического положения страны. При этом невозможно не согласиться с автором, справедливо связывающей возникновение «второй» Югославии с антифашистской, национально-освободительной борьбой югославских народов.

Еще до конца войны, осенью 1944 г., началось формирование органов власти и государственного аппарата субъектов будущей федерации. Тогда же в состав Сербии вошли два края — Воеводина с ее венгерским меньшинством — и Косово — Метохия (КОСМЕТ), где албанцы составляли подавляющее большинство населения. Народная федеративная республика Югославия — так она была конституирована 29 ноября 1945 г. В состав государства были включены 6 республик и 2 автономных края. Особые интересы каждого субъекта и каждого народа торжественно провозглашались. Казалось

бы, была выстроена оптимальная модель, учитывающая совокупность интересов центра и субъектов Федерации. Однако, как убедительно показывает Э. Буйвид-Курэк, конституционные основы отношений между республиками в конце 1960-х — начале 1970-х гг. оказались настолько нестабильными, что вскоре все это стало угрожающе очевидным. Камнем преткновения оказался вопрос, связанный с централизованной моделью хозяйственного управления, с принятием важнейших хозяйственно-экономических решений только федеральными органами власти. Практика эта вела к нарастанию диспропорций в экономическом развитии. Сильные и богатые субъекты увеличивали свой экономический вес, слабые все больше отставали от них. Поправки, внесенные в Конституцию в 1971 г., должны были устранить диспропорции. Союзный аппарат управления был реорганизован таким образом, чтобы его решения максимально учитывали интересы всех составных частей Федерации. Права субъектов становились шире.

Еще дальше продвинулась по этому пути Конституция 1974 г. Она сохранила название Социалистическая федеративная республика Югославия. Сотрудничество республик должно было способствовать большему сближению субъектов.

Конституция 1974 г. более жестко разграничила полномочия Союза и его составных частей. В число предметов ведения Союза входила защита суверенных прав наций и народностей, защита социалистического устройства, гарантии суверенности, территориальной целостности, безопасности и обороны Югославии, охраны прав людей труда и органов самоуправления.

Конституция обеспечивала союзным органам руководство силовыми структурами, организацию деятельности армии и служб безопасности. В бюджете специально предусматривались средства, которые должны были быть использованы для экономического и хозяйственного выравнивания субъектов, стабилизации финансовых рынков, гармонизации отношений центра и субъектов Федерации. Исследовательница считает, что это время (вторая половина 70-х — начало 80-х гг. XX в.) было отмечено вполне нормальными внутрифедеративными отношениями. Э. Буйвид-Курэк очень подробно анализирует способ формирования и принципы функционирования президентской власти.

16 мая 1974 г. маршал Тито был единогласно и на неограниченный срок избран Президентом на совместном заседании Союзного Совета, Совета

республик и округов. Можно себе представить, насколько после этого усилились позиции главы государства. Немалый политический смысл был здесь очевиден. Как никто другой, Тито понимал и чувствовал особенности страны, в которой наличествуют два алфавита, три языка, четыре религии, пять народов, живущих в шести республиках, которые к тому же граничат с семью соседями. Кроме того, невозможно было не считаться с интересами восьми национальных меньшинств, проживавших на территории СФРЮ.

Несмотря на хорватское происхождение, Тито не скрывал своих политических симпатий по отношению к Сербии, население которой составляло 40 % жителей всей Югославии. Более того, с целью ослабления извечного противостояния Сербии и Хорватии была создана республика Босния и Герцеговина — своеобразная Югославия в миниатюре, поскольку именно здесь все этнические группы сосуществовали в тесном соприкосновении, а граждане, исповедующие ислам, были выделены в народность, названную «мусульмане».

В это время (50—70-е гг. XX столетия) народы Югославии были достаточно прочно объединены вокруг харизматической фигуры маршала Тито. Это единство и сплоченность автор связывает с явно преувеличенной им возможностью нападения СССР на Югославию. По нашему глубокому убеждению, на тот момент такой угрозы вообще не существовало. Советское руководство, разумеется, не могла не раздражать относительно тесная связь Югославии с ведущими странами Запада, признание законной предпринимательской деятельности, более высокий уровень экономического развития по сравнению со странами Варшавского блока, однако планов нападения на Югославию в 1950-е гг. у СССР не было.

Конфликт Сталин—Тито, разгоревшийся в 1948 г. по причине активного нежелания Сталина иметь на Балканах сильное федеративное государство, уходил в прошлое. В Югославии с начала 50-х гг. укреплялись и развивались тенденции, связанные со строительством собственной модели социализма, отличной от советского опыта. Речь шла об ослаблении бюрократии и уменьшении ее влияния, равно как влияния государства на экономику и народное хозяйство. Это должно было привести к усилению производственных ассоциаций и их руководителей. Само общество идеологи югославского социализма трактовали не как однородную массу, но как сочленение различных социальных групп, каждая из которых имеет свои специфические интересы, удовлетворить которые

можно через институты самоуправления — производственные и национальные. Таким образом, система управления оказывалась децентрализованной практически по всему спектру политических, экономических, межнациональных проблем. Децентрализация должна была в наибольшей степени способствовать стабилизации жизни в послевоенной Югославии. В известной степени так оно и было, но только при жизни Тито, игравшего роль мощной и непоколебимой скрепы территорий и народов, населявших послевоенную Югославию.

В начале 1980-х гг. все это обернулось раздроблением монолита. Былое единство сменилось процессом распада, набиравшим год от года силу и размах. Сербия к этому времени доминировала во всех центральных органах власти, что вызывало недовольство за пределами собственно Сербии. Снятие противоречий между республиками в обстановке спокойной дискуссии, к чему активно стремился Тито, инструменты консенсусной демократии, увы, не сработали. Первой, еще при жизни Тито, полыхнула Хорватия, где общественное движение «Хорватская весна», объединявшее интеллектуальную элиту и студенчество, потребовало для республики большей самостоятельности в рамках Югославии. Движение было подавлено всеми способами, не исключая и политические убийства. Улица вынуждена была замолчать, а Тито, реагируя на вызовы, предпринял институционально-государственные реформы.

Во главе Югославии оказался Совет из 8 делегатов, представлявших 6 республик и 2 автономных округа. По очереди каждый из руководителей этих субъектов должен был председательствовать в Совете на протяжении одного года. Компетенция республик и округов была расширена, однако верховная власть оставалась в руках президента Тито. При этом следует заметить, что экономика Югославии по преимуществу была ориентирована на Запад, переживавший в ту пору не лучшие времена. Это не могло не сказаться на экономическом положении страны, конкурентоспособность которой на мировых рынках была невелика.

После смерти Тито (1980 г.) внутривнутриполитическая ситуация еще более усложнилась. Уличные манифестации, шествия, забастовки стали обычным делом. Увеличилось число эмигрантов, выезжающих из страны на заработки. Стране явно недоставало лидера, способного объединить вокруг себя элиту республик, овладеть ситуацией в стране. Власть порой оказывалась в руках партийного аппарата, самонадеянно идентифицировавшего

себя с народом. В этой ситуации каждая из республик пыталась найти выход для себя. Словения и Хорватия как наиболее успешные продвинулись на этом пути дальше других. Федеральный центр начал постепенно утрачивать влияние.

В это время к власти приходит Слободан Милошевич, который сразу пытается решить две задачи: приглушить набиравший силу сербский национализм и успокоить Косово, где события развивались весьма тревожно. Конфликт албанцев-косоваров, составлявших едва ли не 90 % населения автономного края, и косовских сербов становился все жестче и непримиримее. Милошевич, прибывший в мятежную территорию, решительно заявил: «Никому не позволено будет притеснять и убивать сербов».

Вскоре С. Милошевич становится фигурой общенационального масштаба, превращаясь в мессию сербов и претендуя на место Тито. Однако весьма существенная разница между ними была очевидна. Тито, обладавший ярко выраженной харизмой и авторитетом, сложившимся в период национально-освободительной войны с фашизмом, правил твердой рукой. Он всегда тонко чувствовал нюансы политической ситуации и при нем многонациональное государство долгие послевоенные годы сохраняло единство. Милошевич выдающейся интуицией своего предшественника не обладал. Вместо обуздания сербских националистов он их фактически возглавил. Главной целью своей политики он, не считаясь с реалиями, провозгласил уничтожение автономии Косова и Воеводины. Его великосербский национализм вызвал жесткий протест в Словении, Хорватии и Македонии.

8 мая 1989 г. С. Милошевич был избран Президентом Сербии. Годичный срок своего пребывания на посту он, разумеется, хотел использовать для укрепления личной власти. 28 июня 1989 г. на священном для сербов Косовском поле он, в связи с 600-летием памятной битвы сербов с янычарами Османской порты, выступил с речью, предметом которой стало видение им будущего Сербии, ее усиление и преобразование. Вскоре наступили судьбоносные конституционные перемены. Косово и Воеводина лишились автономии, урезаны были права немецкого, венгерского и румынского меньшинств. Компартия Югославии была трансформирована в Сербскую социалистическую партию, которая на парламентских выборах 1990 г. получила 46 % голосов.

Милошевич последовательно и энергично шел выбранным курсом. Его целью стало объеди-

нение всех сербов. При этом не могло быть и речи о расширении самостоятельности словенцев, хорватов или боснийцев. Следует сказать о богатстве и разнообразии фактов, которые приводит Э. Буйвид-Курэк, восстанавливая югославскую историю последнего десятилетия XX в., как бы приглашая читателя вместе с автором осмыслить эту реальность, проникнуть в ее глубинную суть, понять причины триумфов С. Милошевича на этом этапе существования Югославии. Нарастание конфликтов прослеживается польской исследовательницей с редкой тщательностью и скрупулезностью. Вина Сербии для нее очевидна, но внутренний смысл политического поведения косоваров, равно как и других участников конфликта, остается, к сожалению, вне поля научного анализа автора.

Еще одно замечание. Несколько раз на протяжении вступительной главы Э. Буйвид-Курэк возвращается к весьма спорной мысли о том, что СССР был постоянной угрозой для Югославии. Конечно, если вспомнить события 1956 г. в Венгрии или 1968 г. в Чехословакии, то посылка эта не покажется совсем уж невероятной. Однако историческая реальность всегда гораздо богаче любых научных предположений и конструкций. В 1948 г., после грубого разрыва Сталиным отношений с Тито, для ослабленного войной Советского Союза новая военная акция была бы весьма опасной. Дух свободы, навеянный великой Победой, еще витал в атмосфере Страны Советов. Беспрецедентная атака тирана на творческую интеллигенцию (вспомним удушающие Постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», об опере Вано Мурадели «Великая дружба» и еще множество подобного рода документов) была иезуитски продуманной упреждающей акцией. Историю декабризма Сталин помнил хорошо. Ненависть к Тито, не пожелавшему обрядиться в шинель сталинского покроя, была огромной, но ввязываться в настоящую, а не словесно-пропагандистскую драку было бы, с какой стороны не посмотри, опасно. Генералиссимус это хорошо понимал.

После его смерти советские вожди, прилетевшие в 1955 г. в резиденцию Тито «Нова Двора», вообще заставили вспомнить средневековый поход германского императора в Каноссу. Кроме того, югославский самоуправляющийся социализм, весьма заметная роль Югославии в движении неприсоединения, тесные политические и экономические связи Федерации с крупнейшими странами Запада напрочь перечеркивали мысль

советской геронтократии о вторжении на Балканы.

Независимо от России и начавшихся здесь перемен, в Югославии с самого начала 1990-х гг. вспыхнула дискуссия по поводу сохранения (или развала?!) Федерации. На переломе 80—90-х гг. XX в. малые народы все чаще заявляли о своих правах на самостоятельность и собственную идентичность. За сохранение статус-кво выступала Компартия Сербии, поддержанная Черногорией. Противоположного мнения придерживались Словения и Хорватия. В лучшем случае они соглашались на Конфедерацию. Милошевич и его соратники (Вук Драшковиц, Иван Джурич) горячо отстаивали великосербскую идею и настаивали на сохранении Федерации, пусть даже слегка модернизированной.

28 марта 1989 г. Милошевич де-факто покончил с автономией Косова и Воеводины. Территории эти тут же взорвались волнениями. Два взаимоисключающих потока, две противоположные тенденции обозначились в это время на европейском пространстве. Углубляющаяся интеграция в рамках Евросоюза и неукротимое стремление к автономии, самостоятельности, созданию малых отчизн в странах Центральной и Юго-Восточной Европы любой ценой. Балканский регион вкупе с Чехией и Словакией — лучшее тому свидетельство.

Процесс декомпозиции Югославии, разумеется, не мог быть быстрым и безболезненным по многим причинам, главной из которых была неуступчивость Сербии. Марьяна Маркович, жена и соратница Слободана Милошевича, темпераментно отстаивала идею, суть которой заключалась в том, что если в США вполне согласно живут потомки ирландцев, французов и китайцев, то в Югославии должны сосуществовать потомки македонцев, хорватов и албанцев. Эта точка зрения была необычайно популярной среди сербов. Другое мнение практически с оружием в руках отстаивали косовары. Переговоры между сербами и албанцами никаких решительно успехов не приносили. Серб-албанский конфликт нарастал и обострялся, приобретая международный характер. 24 марта 1999 г. военно-воздушные силы НАТО начали бомбардировки именно сербских объектов.

Столь же стремительно, как и Косово, двигалась в сторону независимости Словения. Однако здесь конфликт развивался в ином ключе. Уровень жизни в Словении был заметно выше, чем в Югославии в целом. Кроме того, словенцы еще в XIX в. примкнули к западноевропейской христианской традиции. От западных стран Словения заметно

отставала, но среди народов Югославии по многим позициям сохраняла лидерство. При этом в республике и власть, и широкая общественность считали, что за годы социалистического строительства тенденция уничтожения цивилизованных традиций двухмиллионного народа весьма ярко проявилась в политике федерального центра.

Почувствовав серьезность ситуации, Белград предпринял усилия, направленные на срыв обособления словенской республики. Были повышены пошлины на товары из Словении, а заодно из Хорватии, что, безусловно, разрушало единое экономическое пространство. Цементирующим фактором оставалась пока югославская армия и ее офицерский корпус, который состоял из ортодоксальных коммунистов, по преимуществу сербов. Армия (исследовательница это убедительно показывает) не желала умирания Федерации. Понимая это, Милошевич предпринял попытку объединить вокруг Сербии все без исключения территории, на которых проживали сербы. На практике это вело к вооруженному конфликту, потому как сербы имели свои анклавные территории практически в каждой республике. Ту же идею, но в отношении хорватов, высказал их лидер Франьо Туджман. Результатом этой «дискуссии» стали исполненные трагизма крупные военные инциденты в Сербской Крайне и Словении, унесшие тысячи жизней. Иначе быть не могло, поскольку план Милошевича предполагал присоединение к Сербии Словении, Македонии, Боснии и Герцеговины.

25 июня 1991 г. Словения и Хорватия вышли из Союзного государства, и это привело к фатальным переменам на всем пространстве балканского полуострова. Возникли, вслед за появлением новых субъектов международного права, новые границы. 17 сентября 1991 г. Македония последовала примеру Словении и Хорватии. 17 ноября 1991 г. парламент Македонии принял новую Конституцию.

Еще сложнее оказалась ситуация в Боснии и Герцеговине. Сохранить единый государственный организм здесь, где мозаика народов (сербы, хорваты, мусульмане) напоминала о себе ежечасно, едва ли представлялось возможным. Острые этнические противоречия буквально взрывали ситуацию. Казалось бы, давно ушедшие в историю жестокие схватки хорватских усташей и сербских четников были реанимированы новым столь же жестоким временем — начало 1990-х гг. напоминало лихую годину 1941—1945 гг., когда сербы и хорваты воевали по разные стороны баррикад. Сейчас все решал союз (или отсутствие такового) между сербами и мусульманами.

В январе 1993 г. в рамках конференции по проблемам бывшей Югославии предлагалось создание Конфедерации десяти провинций, разделенных по этническому принципу (план эмиссара США Сайруса Вэнса). Центром этих территорий должен был стать открытый город Сараево, функционирующий под эгидой ООН. Границы внутри этих провинций оказались точно обозначенными, 43 % территории предназначалось сербам, 29 % — мусульманам, остальное пространство должно было принадлежать хорватам. ООН объявил зонами безопасности Сараево (Сребреницу, Горажде, Жепу, Тузлу и Бихач). Однако достигнуть подлинной безопасности вряд ли было возможно.

Нелегкая ситуация сложилась в это время и в Хорватии. Сначала окружение президента Ф. Туджмана отодвинуло с ключевых постов сербов. В ответ на это С. Милошевич пригрозил аннексией хорватских территорий, на которых сербы проживали долгие годы. Хорватский парламент в свою очередь принял поправки (июль 1990 г.), ограничивающие права сербов на всей территории республики. В ответ на это сербы создали свой Национальный совет с центром в Сербской Краине. За этим последовало создание сербского автономного района и сербских боевых единиц.

Конфликт нарастал стремительно, обостряясь к тому же косовской проблемой. На заре XX в. (1912—1913 гг.) косовская провинция была разделена между Сербией и Черногорией; в 1918 г. — вошла в состав Сербии фактически на правах автономии. 2 июля 1990 г. Косово было провозглашено седьмой республикой в составе Югославии. Этому предшествовали бесконечные конфликты сербов и албанцев. Международные переговоры по проблеме Косово шли постоянно (Лондон, 1997 г.; Рамбуйе (Франция), 1999 г.), не принося сколько-нибудь ощутимых результатов. Албанское большинство жаждало полной независимости, сербы предлагали широкую автономию. На крохотном географическом пространстве лоб в лоб (автор книги это хорошо показывает) сербский национализм столкнулся со столь же агрессивным албанским национализмом. Но мечта о *Великой Албании* никак не вписывалась в *историю о Косово* как колыбели сербской государственности. Конфликт силовым путем попытался решить тогдашний Президент США Билл Клинтон. По его приказу натовская (читай — американская) авиация без мандата ООН нещадно бомбила сербские объекты. Беды и горести населения в результате этого варварского акта трудно себе представить.

После окончания Второй мировой войны не было столь массового перемещения людей, как в период распада Югославии. Утверждение собственной идентичности каждой нации и народности взорвали ситуацию на Балканах, сделали ее критически тяжелой. Наиболее болезненной оказалась проблема Косова.

Отношения с Грецией тоже складывались не просто. Эллада не желала признавать Македонию, ибо ее северные территории обозначались тем же названием. Мало этого. С 2006 г. Черногория, которая всегда поддерживала Сербию и шла с ней рука об руку, тоже стала выказывать стремление к самостоятельности. С отделением Черногории от Сербии Федерация перестала существовать и возродить ее в обозримом историческом будущем вряд ли удастся.

В чем же причины распада Югославии? Почему государство это, как мы уже говорили, дважды в XX в. возникало и дважды стремительно и неотвратимо распадалось? Э. Буйвид-Курэк стремится найти глубинные причины столь сложного и многофакторного явления. Она справедливо пишет о различных ментально-культурных особенностях, о принадлежности балканских народов к противоположным цивилизационным пластам; западноевропейской католической традиции и сильном восточно-византийском влиянии в Сербии, Черногории и Македонии, что, разумеется, не способствовало преодолению конфессиональных противоречий. Федерация, по мысли ее создателей и устроителей, должна была стать моделью преодоления всех и всяческих расхождений. Увы! Десятилетия существования «обеих» Югославий показали — этого не произошло.

Суммируя наблюдения и резоны автора рецензируемой книги, мы, со своей стороны, сфокусировали бы внимание читателя на одной основополагающей константе — этнической.

Современный этнос в результате долгих историко-культурных изменений, усилившихся процессов смешения, динамичного влияния внешних сил уже не может считаться природной общностью, основанной на кровном родстве, этнической генеалогии и т.п. Это, скорее, общность, рожденная спецификой мироощущения. Участие в конфликтах принимают сегодня, как показывает современная политическая практика, не статистические народы, а конкретные люди в зависимости от степени восприятия ими той или иной идеи.

Сербы вкупе с некоторыми хорватскими политиками сыграли в развитии югославской идеи

важную, если не сказать решающую, роль. Но в ходе исторического процесса возрастало противоречие между приверженностью сербов наднациональной идее и очевидными элементами их, увы, непреодоленного этноцентризма. Очень важно понять сущностные черты сербского мироощущения. Оно отличается глубоким восприятием православных традиций, восточно-христианским менталитетом. Сербам свойственна сакрализация родной земли, ее сердца — Косова. Характерны эпическая историческая память (например, образ Косовской битвы), символизация в сознании сербской территории, вобравшей в себя православные храмы и монастыри, могилы предков, места исторических событий. Отметим особое отношение сербов к национальной государственности, освященной трудной многовековой борьбой. Можно говорить и о наличии у сербов мессианских установок, выразившихся в желании организовать объединение всех югославянских народов и хранить это единство. Неудивительно, что именно сербы, ставшие носителями последовательного югославизма, пытались удержать в межвоенный период единство первого югославского государства, а затем — сохранить «вторую» федеративную Югославию.

После фактического распада СФБО идеи соборности и державности выразились в желании сербов собраться вместе. Отсюда лозунг «Все сербы — в одном государстве», желание сохранить Югославию любой ценой. Современная история сербов оказалась трагичной для такого рода мироощущения. Она стала историей потерь, отторжения от сербства и противопоставления ему родственных этнических частей. Хорватизация сербов-католиков географически означала потерю для сербского самосознания Далмации, Дубровника, во многом Словении и отчасти Воеводины. Обособление мусульман привело к их самоидентификации в качестве отдельного народа. Еще более болезненным стало полное отделение Косова.

Обособление македонцев и десербизация Черногории завершают эту мрачную картину беспощадного ущемления сербских надежд и чаяний.

Хорватская национальная идея формировалась в период австро-венгерского владения частью югославянских территорий. Внешним духовным центром ее был Ватикан, политический контроль осуществлялся в основном из Вены. Реальное формирование хорватской национальной общности началось в XVI—XVII вв. именно на габсбургских землях и под культурным влиянием австрийцев и венгров. Несущей конструкцией в хорватской

национальной идее стал европеизм. Хорватское обособление подпитывалось стремлением испытать таинство приобщения к Европе как к «обетованной земле», дающей процветание.

Важное место в формировании мироощущения хорватов сыграла их историческая память о древнехорватской государственности IX—XI вв. на территориях с центром в современной Далмации. Стремление восстановить эту государственность стало «тысячелетней мечтой». Здесь уместно вспомнить, что в 1941 г. в Загребе цветами встречали части германского вермахта — освободительную внешнюю силу, которая помогла реализовать «тысячелетнюю мечту».

Хорватская идея властно требует этнической и территориальной устойчивости, обеспечения единства хорватов как «католической нации». Отсюда — дисциплинированность, стремление к мононациональной государственности, обособление от сербов, как от народа «неевропейского», носителя духа византизма. Во время войны усташи пытались радикально решать сербо-хорватский конфликт путем геноцида. Трагедия концлагеря Ясеновац (осень 1942 г.), где погибли почти полмиллиона сербов вкупе с десятком тысяч евреев и цыган, оставили в исторической памяти сербов неизлечимую рану.

Стремление хорватов обособиться от сербов в последние десятилетия выразилось в попытках ускорить формирование собственного национального языка, т.е. получить неконфессиональный признак хорватов как народа.

Македонская идея в своем развитии продемонстрировала уже известные нам свойства славяно-православного менталитета. Сюда относятся эпическая историческая память о державе царя Самуила (X—XI вв.), большой религиозно-просветительской роли Македонии на Балканах, антитурецкие восстания в XIX и начале XX в., а также дух соборности и мессианские черты. Тезис о «сборе всех македонцев» стал стержнем политических платформ современных партий в республике.

В мусульманском вопросе двусмысленность идентификации мусульман как народа приводит в настоящее время к попыткам возродить региональное имя «босняк», хотя ясно, что жители Боснии и Герцеговины, называющие себя сербами и хорватами, от своих самоназваний не откажутся. Превращение регионального определения в национальное не меняет конфессиональный принцип формирования мусульманской национальной общности. Внутренней задачей в этом случае становится вы-

деление культурного ядра на основе противопоставления христианским соседям, т.е. акцентирование ислама и исламских традиций, сопротивление секуляризации. Особо отметим стремление югославских мусульман превратить Боснию и Герцеговину (или хотя бы часть ее территории) в мусульманское государство.

Нельзя обойти вниманием и уже упоминавшуюся нами албанскую проблему. Историко-географические процессы начиная с XVI в. привели к постепенному вытеснению славянского населения албанским, особенно из Косова и Метохии, Западной Македонии. Этому способствовали, с одной стороны, высокая рождаемость албанцев, их переселение с гор в котловины, а с другой — уход православных с родных земель, в том числе за пределы Османской империи.

В годы Второй мировой войны итальянцы создали прецедент «Великой Албании» — государственного образования, включавшего Косово и Западную Македонию. В послевоенный период албанское население Косова и Метохии по численности стало превосходить сербское. Тогда и появились лозунги «этнически чистого Косова». Важно иметь в виду и высокую сплоченность албанцев, опирающуюся на устойчивые племенные традиции, сохранение ощущения племенной иерархии.

Обострение отношений сербов и албанцев, сопровождавшееся у первых нарастанием чувства «ускользания» Косова, послужило основным толчком для пробуждения национальной идеи сербов. Албанизация славянских территорий, чувство потери воспетых в эпосе земель стали существеннейшим элементом этнополитической конфликтности в Сербии и Македонии.

И, наконец, несколько слов о Словении. Ее историко-географическое положение отличалось высокой степенью стабильности границ и длительной германизацией. Компактная территория благоприятствовала формированию гомогенной в этнокультурном отношении республики. Словенцы имеют свои политические позиции, их земли относительно легко отслаиваются от соседних, что не вызывает затяжных конфликтов. Последние события подтвердили это весьма наглядно.

Нынешний конфликт, потрясший югославские земли, вскрыл всю противоречивость отношений их жителей. Эта противоречивость не была преодолена двумя попытками создания общего государства. Примечательно, что единство последнего во многом держалось на харизме лидера, будь то

король или коммунистический вождь. Что касается сербской объединительной миссии, то в условиях роста этноцентристских настроений среди словенцев, хорватов, части мусульман и македонцев она все отчетливее трансформировалась в идею собирания населенных сербами и черногорцами земель в качестве формы их самосохранения. Путь к гомогенным «этнически чистым» государствам представляется сейчас многим политикам более легким, чем путь третьего объединения.

Возвращаясь к исследованию Э. Буйвид-Курэк, обратим внимание на ее весьма интересное наблюдение психолого-политологического свойства: «В начальной стадии международный конфликт имеет объективные причины. Однако перманентная невозможность достичь консенсуса постепенно изменяет восприятие другой стороны. Формирующаяся в этих условиях эмоциональная напряженность затрудняет уменьшение расхождений, что постепенно углубляет пропасть и ведет к нарастанию чувства угрозы и ничем не ограниченной враждебности. На следующем этапе в сознании формируется образ врага, негативный стереотип противоположной стороны, источника зла. Предмет спора исчезает или отходит на второй план. Всякая возможность договориться — блокируется» [1, с. 62].

Э. Буйвид-Курэк справедливо считает, что глубокий политологический анализ мощного всплеска национализма в европейских посткоммунистических государствах невозможен без учета советского опыта. События, имевшие место в Советском Союзе на переломе 80—90-х гг. XX в., оказали ощутимое влияние на развитие балканской ситуации. При этом исследовательница обращает внимание на такую специфическую региональную особенность, как клановый характер балканской провинции, средоточием которого всегда была (и до сей поры остается!) патриархальная семья, объединяющая разные поколения. Эта конструкция семьи всегда рождала межклановые и межродовые конфликты. Каждая насильственная смерть члена семьи немедленно вызывала ответную реакцию. Клановые конфликты не были редкостью даже во время Второй мировой войны, не утратили они своей остроты до сих пор. При этом нельзя забывать, что в новейшие времена значительная часть населения обзавелась оружием.

Таким образом, Э. Буйвид-Курэк предлагает читателю не только анализ механизмов и разных форм функционирования политических институтов, но обращает пристальное внимание на символы,

ценности, суть и характер деятельности людей в рамках тех или иных политических институций, на субъективные и культурно-психологические аспекты политики.

Обретение самостоятельности государствами Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе входившими в ареал бывшей Югославии, ведет их в направлении усвоения западных ценностей, укрепления либерально-демократических начал в экономической, политической и духовной жизни.

Собственно анализу начавшихся перемен посвящены остальные семь разделов рецензируемой монографии, названия этих разделов — лучшее тому подтверждение: «Республика Словения — стабилизация демократии» (глава 2), «Республика Сербии и Республика Черногории — начала самостоятельности» (глава 7). В том же стиле поименованы и остальные разделы, посвященные современной жизни молодых государств.

Большое значение имеет то обстоятельство, что польская исследовательница, пожалуй, первой из европейских ученых скрупулезно анализирует ситуацию на постюгославском географическом пространстве, обращая внимание читателя на общее и особенное в судьбах этих политических новообразований. Каждая глава содержит краткий, но весьма насыщенный мыслями и фактами историко-географический и социокультурный очерк. В каждом случае автор, восстанавливая подробную картину политической жизни территории, ее движения по тернистому пути к независимости, внимательно прослеживает разработку правовой базы независимого государства; ее связь с конституционно-правовой практикой предшествующих эпох.

События в Словении, Хорватии или Македонии рассматриваются как часть динамичного трансформационного процесса на всем пространстве Центральной и Юго-Восточной Европы, государства которой «дрейфуют» от авторитарной к многопартийной системе парламентарной демократии, основанной на рыночной экономике и преобладании частной собственности, свободной конкуренции и незабываемых правах человека. Практически во всех главах автор тщательно анализирует структуру власти в новых государствах, источники ее формирования, сроки полномочий каждого из высших органов, предметы их компетенции.

В ряде глав внимание автора привлекают наиболее заметные политические деятели: Милан Кучан (Словения), Алия Изетбегович (Босния и Герцеговина), Франьо Туджман и Стипе Месич (Хорватия).

Политологическая аксиома гласит: ни одна политическая система не может функционировать без политических партий, явно заявивших о себе. Э. Буйвид-Курэк вглядывается в конструкции партийных систем, в их программные принципы и установки, выявляет их социальную опору. По мнению автора, наличие немалого количества партий в балканском регионе свидетельствует о широкой возможности артикуляции своих интересов всеми общественными группами новообразованных государств. Политическая модернизация, которую переживают сегодня бывшие югославские республики, в скором времени, надо полагать, начнет приносить позитивные результаты, интенсифицируя созидательные процессы на всех направлениях. Политические элиты, несмотря на довольно тяжелое прошлое, неплохо осваивают новые возможности, о чем свидетельствуют вполне адекватные требованиям времени решения, принимаемые в политической и социально-экономической областях.

В главе, посвященной Хорватии, автор подробно останавливается на трагически-кровопролитных событиях, связанных с многолетним сербо-хорватским противостоянием. Давняя и недавняя история определили политическую конфигурацию современной хорватской республики с нетипично сильным (особенно в сравнении с Македонией) для такого рода политических устройств положением и полномочиями Президента.

Один из важнейших вопросов для Хорватии, впрочем, как и для других постюгославских республик, — положение и судьбы национальных меньшинств. Хорватская республика конституируется как суверенное демократическое государство, в котором представители всех народов и меньшинств имеют равные возможности, гарантии культурной автономии, право пользования родным языком и алфавитом. Для хорватских сербов эта норма имеет едва ли не решающее значение.

Правовое положение меньшинств в Хорватии рассмотрено не просто подробно, но всесторонне-обстоятельно с фиксацией тонкостей положения личности, с анализом юридических источников, которые дают право индивидууму определять, к какой этнической общности он хочет принадлежать, на каком языке желает учиться и читать литературу. Конституция Хорватии, по мнению Э. Буйвид-Курэк выдерживает сравнение с самыми демократичными мировыми актами подобного рода. Однако «пройдет немало лет, пока подлинно демократические институты и установления укоренятся здесь в реальной жизни, а не только на бумаге» [1, с. 113].

На фоне конституционных достижений Хорватии скромнее выглядит македонская действительность, в которой все еще далеко до достижения компромисса в заметно разделенном по этническому принципу обществе.

Столь же острым, далеким от урегулирования де-факто остается национальный вопрос в Боснии и Герцеговине, мультиэтничной республике с пестрым национальным составом населения. Эта особенность определяет структуру государства и конструктивные черты государственного аппарата. Законодатель позаботился о том, чтобы на всех этажах власти были представлены народности, проживающие в республике. Конституционные гарантии свидетельствуют об уважении и признании специфичности интересов народов, создавших современную Боснию и Герцеговину как самостоятельное суверенное государство. Однако исполненные неизбежного трагизма межэтнические схватки недавнего прошлого, длившиеся более трех лет, гражданская война всех против всех, увы, еще дают о себе знать, взрываясь время от времени новыми конфликтами. Консенсус здесь трудно достижим. Может быть, именно поэтому на территории республики столь заметна внешнеполитическая и экономическая активность Германии и (в рамках НАТО) США и Великобритании.

Завершает политологические очерки подробный детальный анализ, несомненно, самой драматичной балканской проблемы — судьбы Косова. В этом небольшом по объему фрагменте есть все — история и современность, надежды, чаяния, боли и горести нескольких поколений сербов и албанцев. Очерк этот написан с доскональным пониманием сути многочисленных болевых точек, разрывающих на части эту, в сущности, крохотную пядь земли.

Воронежский институт повышения квалификации работников образования

Табачников Б. Я., кандидат исторических наук, профессор

E-mail: voipkro-ito@mail.ru

Тел.: (4732) 35-23-06

Все радикально изменилось на территории бывшей Югославии с 1991 г. После распада социалистического государства на смену идеологии пришли национально ориентированные политические и социокультурные программы, отстаивающие исключительность интересов каждой из бывших республик. Не в счет одна лишь Словения, которая, благодаря стремительным экономическим успехам и довольно высокому общему уровню развития, заметно дистанцировалась от постюгославских конфликтов.

В конце XX — начале XXI в. все громче стало заявлять о себе молодое поколение — те, кому уже больше 30, но еще нет 40, и кто, вспоминая ужасы военного детства, решительно не желает новых кровавых конфликтов, какая бы идеология за этим не стояла. Эта философия — «забыть все» — при благоприятной международной ситуации может стать фундаментом спокойствия и созидания. Однако еще немало воды утечет в Дунае и Тиссе, пока демократические порядки и цивилизованные нормы, уважение к соседям и правам личности станут на Балканах повседневной реальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bujwid-Kurek E.* Panstwa Pojugostlowianskie. Szkice politologiczne. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagellonskiego. — Krakow, 2008. — 264 s.
2. *Туровский П. Ф.* Югославский разлом / П. Ф. Туровский // Полит. исслед. — 1992. — № 4.
3. *Roger C.* The breakup Yugoslavia and the war in Bosnia / C. Roger. — London, 1998.
4. *Banas I.* Raspad Yugoslavia. Esefi o nacionalizmu i nacionalium sukobima / I. Banas. — Belgrad, 2000.
5. *Malcolm N.* Kosowo: a chort history / N. Malcolm. — New York, 1998.
6. *Tantu U.* Bolkany w XX weku / U. Tantu. — Warszawa, 2003.

*Voronezh Institute of Advanced Training for Educators
Tabachnikov B. Y., Candidate of Historical Science,
Professor*

E-mail: voipkro-ito@mail.ru

Tel.: (4732) 35-23-06